

18+

Дмитрий
Бергельсон

НЕСУ
ЩЕС
ТВУЮ
ЩИЕ
СТИХИ

Дмитрий Бергельсон

Несуществующие стихи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71449126

ISBN 9785006507944

Аннотация

Этот сборник стихов похож на любимый потертый альбом с фотографиями, которые мы собираем и бережно храним. На его страницах можно встретить самые разнообразные мгновения жизни: философские размышления о важных вещах и забавные бытовые зарисовки, тонкую лирику и едкую сатиру, узнаваемые лица и до боли родные пейзажи, детство, юность, зрелость и старость, войну и мир, радость и горе, врагов и друзей, рождение и смерть. Эта книга о том, что было, есть и будет. О нас с вами. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

От автора	6
Несуществующая жизнь	9
Белый стих с вкраплением	10
Тяжелый век	13
Письма	15
Пьянство богов	16
Наступила осень	18
Фотошоп	19
Мне не гулять	20
Ячейка общества	22
Не первый космонавт	24
Нананаука	25
Из жизни главы поселкового совета	28
Здравствуй, ёлка!	30
Об устройстве жизни	35
Дурачок	38
Горны	39
Пасха	41
Эсэмэски	43
Индифферентно	45
Законотворчество	47
Дискотека	50
Исповедь. 30-е годы	53

От винта!	55
Крошки	57
Несуществующая смерть	59
Резюме	60
Не по-английски	61
Плато	64
Война	66
Предвоенное	67
Когда вернёмся мы с войны	69
Фото на стене	70
Зингер	71
Спектаклик	74
Пока поют птички	75
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Несуществующие стихи

Дмитрий Бергельсон

Корректор Елена Кормильцева

Дизайнер обложки Клавдия Шильденко

© Дмитрий Бергельсон, 2024

© Клавдия Шильденко, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-0065-0794-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Как назвать
Поэтический сборник
Не существующих ещё стихов?
Будет пока без названия.
А может, назову «Несуществующий».
Пусть название спорное,
Но я поспорить готов
И понести наказание
За шаг в неизвестное будущее.

Кто-то на это скажет
«Ха-ха», а кто-то «хи-хи».
А кто-то просто заплачет
Перед лицом неизвестности.
Кто-нибудь возмутится:
«Несуществующие стихи!»
Да кто за это заплатит
У нас, в нашей сельской местности?

Здесь покупают лишь важную,
Весомую литературу:
Романы солидных авторов,
Собрания сочинений».

«Ну что ж, – скажу им, – бумажная
Многотомная архитектура
Будет стоять дороже
Несуществующих произведений».

Я думаю, стоимость сборника
Будет, примерно, ноль.
Ноль рублей, соответственно,
И также ноль-ноль копеек.
Так у любого дворника,
Пусть он перекатная голь,
Найдутся деньги, естественно,
На книгу. Если успеет

Урвать, конечно по благу
Один экземпляр бестселлера,
Пробиться сквозь толпы желающих
К вечности приобщиться,
Внести нулевую плату,
Плюс льготы для жителей севера,
Из книжного выйти лающего,
Прочесть, ну и утопиться.

Вы скажете: «Это странно!
Общественность протестует.
Зачем стихи в виде фиги,
После которых топятся?
Поэт поступил негуманно!»

Но их ведь не существует,
Пустые страницы в книге.
...К обрыву народ торопится...

Несуществующая жизнь

Жизнь – это всё, о чём мы думаем.

Всё, что мы понимаем, видим, слышим, чувствуем и оцениваем; находим, теряем, любим и ненавидим – всё это наша жизнь. Мы познаём жизнь с момента рождения. Учимся выживать, когда жизнь нас бьёт. Наживаем жён, детей, друзей, врагов. Любим жизнь и ненавидим её. Но жизнь – это единственное, что нам даётся безвозмездно и навсегда. И мы мучаемся в попытке понять: зачем всё так устроено? Как будто нам задана большая важная задача. Мы понимаем, что эта задача не имеет решения, но не прекращаем попыток решить её, пусть даже на это потребуется целая жизнь.

Белый стих с вкраплением

«Когда вам кажется напрасно,
Всё то...» Нет, я скажу иначе...
«Всё, что нам выпало в награду
Иль в наказанье, не напрасно!»

И что с того? Сказал иначе.
А мог сказать и по-другому.
Банальна мысль, слова пустые,
Плюс слог, знакомый с детских лет.
Прости, Сергеич, если сможешь...

Да, он простит, он благороден...
Ой, господи, о чём, о чём я?!
Ему давно осточертели
Все, кто цитирует его
И даже просто вспоминает.

Ну и зачем пишу я это?
Чтоб в сотый раз или трёхсотый
Блеснуть перед самим собою,
сказать стесняюсь, мастерством?
Но что умение – без мысли?

Ничто. И это всем известно.

А хуже, если и без чувства,
Без сердца, без души, без правды,
Без боли и без сострадания...
Тогда уж лучше... Лучше вовсе
Тогда умение забыть.

И жить спокойно, как иные.
Вставать, когда восходит солнце!
Иль не вставать! Да как угодно!
Найти обычную работу!
Пойти на курсы! Взять, к примеру,
Освоить книжный переплёт!

Гори огнём литература,
За человечество страдания,
Потуги вырасти в поэта,
Попытки в прозе проявления
Своих талантов! Тьфу на них!

Вот настоящая свобода!
Когда плевать на всё на свете!
День отработал, ночь – на отдых,
Зарплату полностью проел!

Чтоб ни копейки не осталось
На книги! Даже на газеты!
Заходишь в книжный – денег нету!
У продавцов в глазах усталость.

А у тебя всё превосходно!
Ты говоришь слова простые!
Любые – полные, пустые!
И рифмовать ничего не надо!
И размер соблюдать не обязательно!

Вот это я понимаю!

Так и надо было жить с самого начала и не морочить голову ни себе, ни другим!

Тяжелый век

Б. Л.

Вышел из запоя человек,
Рано утром, на рассвете, в мае,
Когда весенний первый гром...
(Ну дальше каждый школьник знает.)
Шёл, кстати, двадцать первый век.

Вышел человек и посмотрел
На тот мир, что человека встретил,
Вовсе не резвяся и играя...
Трезвым глазом человек заметил:
Мир засох, зачах и захирел!

Не увидел человек любви.
Не заметил толики надежды,
Что любовь, любовь ещё, быть может...
Стали разноцветными одежды.
Отвечают «йес» вместо «уи».

Может быть, всё где-то глубоко
Скрыто до поры какой-то светлой?
Может, выпьем с горя, где же кружка?
Протрезвел не той порой рассветной!
Может, станет через век легко?

Письма Б.Л.

Ты пиши, далёкая подруга.
Мне приятны письма от тебя.
Пусть не видим мы с тобой друг друга.
Я вдали тоскую по степям...

Но, твои читая письма, слышу,
Как ты плачешь, как смеёшься ты.
Чувствую, родная, как ты дышишь.
Вижу придорожные цветы,

Что стоят неподалёку в вазе.
Ты сама их сорвала вчера
В тех местах, где я мальчишкой лазил,
Проводя с тобою вечера.

Ты пиши... А что ещё ты можешь?
Вряд ли мы увидимся с тобой.
Напишу и я тебе, быть может,
Мальчик с перекошенной судьбой...

Пьянство богов

В «молоко» летели стрелы,
Был Амур, возможно, пьян,
Бил неточно, неумело...
Стрелы сыпались в бурьян,

До сердец не долетая.
Парень с девушкой брели
Лугом пахнущим, не зная,
Что любимы быть могли.

Он молчал, она молчала...
Луг закончился. «Пока», —
Он сказал. Не отвечала
Парню девушка. Рука

Задрожала у Амура,
И случайная стрела,
Как шальная пуля-дура,
В сердце девушки вошла.

«Подожди, — она шепнула, —
Прогуляемся ещё».
И на парня так взглянула,
Бросив косу на плечо,

Что он сразу согласился
И уже ступил на луг...
Если бы Амур не спился,
Если бы не выпал лук

Из его дрожащей длани,
Всё пошло бы хорошо!
Парень был хотя бы ранен!
Можно раненой душой

Ощутить любви горенье!
Но увы, друзья, увы...
Зря писал стихотворенье.
Зря его читали вы.

Где прекрасные моменты?
Где любви великой чудо?
Парень платит алименты.
Пьёт Амур, сдаёт посуду...

Наступила осень

Наступила осень.
На дворе – плюс восемь.

Лужи вдоль дороги.
Как их обойти?
Промокают ноги
На таком пути.

Дождь. И мокнут руки.
Мокнет нос и уши.
От жары и скуки
Часто сохнут души,

От дождя, напротив,
Души оживают.
Лета я не против,
Но переживаю,

Что несправедливы
К осени мы, братцы!
А она красива,
Если разобраться.

ФОТОШОП

Я пришлю тебе фотографию,
Где я в парке с тобой стою.
Ты потом в фотошопе поправь её,
Ретушируй фигуру мою.

Чтоб не мог тебя заслонять я.
И лицо не кривил хитро.
Разберись со мной по понятиям:
Фотошопом – мне под ребро.

И, когда станет всё красиво
В твоей новой фотосудьбе,
В «Одноклассники» выложи снимок,
Я поставлю оценку тебе.

Мне не гулять

Мне больше не гулять в осеннем парке.
Здесь осени, как таковой, и нет.
Я покупаю для конвертов марки
За россыпь незнакомых мне монет.

И сочиняю письма тем, кто дорог,
Тем, кто на Родине остался далеко.
Выбрасываю смятых строчек ворох...
Писать неправду, правда, нелегко.

Что здесь тепло и фрукты под ногами —
Кого сегодня этим удивишь?
Что площадь измеряется шагами
У новой Родины. Что всюду гладь и тишь.

Конечно, это правда. Но неправда,
Что факты эти радуют меня.
Какая-то тоскливая бравада
Выходит. Впрочем, незачем пенять

Мне на судьбу. Я сам её устроил.
Я ад осознанно переменял на рай.
Зарплаты вдвое здесь и даже втрое...
И круглый год – богатый урожай.

Всё хорошо! Есть и моря, и горы!
Здесь нет зимы! А летом даже жарко!
Но разве стоят золотые горы —
Возможности пройти осенним парком?

Ячейка общества

Ну и хорошо. Пусть будет тихо.
Без истерик, без вскрыванья вен.
Он был кочегар, она – портниха.
Он был Скорпион, она – Овён.

Встретились они весною в парке.
Шла она из швейной мастерской.
Он шёл из фабричной кочегарки,
Как обычно, по Тверской-Ямской.

В парк вошёл, и вдруг она – навстречу.
Был не в силах мимо он пройти.
Полились из кочегара речи...
В общем, так пересеклись пути.

В тот же самый миг образовалась
Крепкая советская семья,
«Общества ячейка» называлась...
Только мимо шёл столяр – свинья.

Он портниху тоже заприметил,
Года через три её отбил,
И ячейку общества, заметим,
Он разрушил. Кочегар запил.

А столяр портнику промурыжил
Года два и бросил, негодяй.
Взял – ушёл, подлец, к ткачихе рыжей!
Не мужчина – дрянь и разгильдяй!

Но нашла в себе портника силы!
Из запоя вышел кочегар!
Жизнь побила их и поносила,
Но смогли они сдержать удар!

Сохранили общества ячейку!
Снова в парке встретились вдвоём!
Сели на зелёную скамейку.
Кочегар сказал: «Давай споем!»

Снова зажили! Семейно, мирно, тихо.
Без истерик, без вскрыванья вен.
Он был кочегар, она – портника.
Он был Скорпион, она – Овён.

Не первый космонавт (*нецензурное стихотворение*)

По степи казахской брёл понуро
Пьяный космонавт из Байконура.

Улетела без него ракета.
Перед стартом выбран был другой.
Из рта дымилась сигарета.
Шёл он и размахивал рукой.

Вспоминал «по маме» Королёва.
Вспоминал по папе детский плач,
Проводы на фронт его. *уёво
Было на душе от неудач.

(Здесь цензура вычеркнет, конечно,
Только это было точно так.)
Быть не первым этим утром вешним...
К звёздам полетел другой мудака.

Нананаука

Надоели мне догадки, дилеммы, сомнения.

И пошёл я сразу в академию наук с одним вопросом банальным:

Разъясните, мол, прошу, ваше научное мнение,

Что за на... НАНАука такая? И как мне сделаться учёным нанальным?

Тут давай они юлить:

##«Вы к нам прибы́ли откуда?»

«Да я местный, – говорю, – мол,

##я свой, подмосковный учёный.

Жена спрятала мой паспорт нарочно, покуда

Я в науку не ушёл.

##А может, я – Эйнштейн новоиспечённый?

У меня полным-полно на фильтры патентов!

Самогонный аппарат я ещё

в первом классе своими руками сделал!

Мой перпетуум-мобиле в сарае спрятан под тентом.

И кстати, массы воды я вытесняю бóльшие,

чем масса моего тела!»

Тут они сообразили,

что перед ними человек сведущий,
И в науках не профан,
соображает, как говорится, петрит!
Ну, говорят:

«Тебе – туда. Вон, видишь, идёт заведующий?»
«Вижу, ёлки, не слепой!
Да это ж сам академик Петрик!»

Я – к нему! Прямо заикаюсь от волнения!
Я, мол, будущий на-на, на-на-на,
на-нальный учёный!

И с моим талантом, рвением
и навыками практического умения
Уж примите меня, как можно скорее, к вам в совет
учёный!

И разьясните мне, что означает «на́на»?
Я правильно ставлю ударение?
Или нужно говорить «нанá»?
«Ты знаешь, – он мне говорит, —
ответчу тебе прямо!
Я сам, честно говоря,
абсолютно не понимаю в этом ни хрена!

Ты, – говорит, – иди домой, мест сейчас нету.
А как пойдёт нанапрорыв,
мы тебе свистнем немедленно!» —
И подарил с его портретом цветную газету,

Потом развернулся и пошёл себе по коридору медленно.

А из газеты я узнал, что этот Петрик

Фильтры, что я изобрёл,

давно уж на поток коммерческий поставил!

И вот теперь я снова в нашем ЖЭКе – электрик.

И планы стать великим нанальным

учёным временно оставил.

Засекречена, видно, эта самая нананаука,

Чтоб из народа никто

не мог в их учёный совет вклиниться!

В академию чтобы такой,

как я, не вошёл без стука!

Там все заняты места,

и никакой академик, конечно, не подвинется!

Ну и ладно! На-на-на на хрена мне!

Лезть туда, где шарлатан сидит на шарлатане!

Самогонный аппарат нальёт на-на-вина мне,

Свой перпетуум заведу —

поеду к жене, на-на... к Тане.

Из жизни главы поселкового совета

Мат на днях туды-сюды запретили,
И хожу, ага, почти онемевший...
Трали-вали, как же так, тили-тили?
Ох, не пивший я хожу, ох, не евший!

Как общаться мне теперь с населением
И в посёлке, и в райцентре, скажите?
И отправил я в Кремль заявление:
Мол, хотя бы в выходной разрешите!

Я ж без мата – как без рук, без обеих!
Абсолютно не могу изъясниться!
Ни в конторе, ни в хлеву... Хоть убей их —
Ни одна свинья меня не боится!

И упал надой на ферме донельзя,
Ведь животная – и та привыкает,
И забыла, что зовут её Эльза.
Чтоб доилась, говорю: «Глядь такая!»

Очень сложно с этим новым законом.
Бригадиры побросали бригады!
Что на скотном, ля, дворе, что на конном,

Работяги распоясались, гады!

А ответа нет и нет из столицы.
Посевная под угрозой срыва!
У народа просто горе на лицах...
Шаг один – до социального взрыва.

Чуть не месяц я кружил у почтамта.
И терпение уже на исходе!
Да видал я эту власть там и там-то!
Объявление повесил о сходе.

В тот же день – письмо с кремлёвской печатью!
Я надел на сход в цветочек рубаху.
Клуб гудел! Народ светился от счастья!
Вскрыл конверт... А там ответ: «Пошёл на х..!»

Замер зал в каком-то недоуменье...
То есть: можно или нет – непонятно.
И тогда я огласил своё мнение:
«Ну и х... с ним!» – произнёс очень вятно.

Будем жить, как и всегда, по старинке!
Есть закон, а может нет – неизвестно!
И вставляем мы, как прежде, картинки,
И наполнено живём, интересно.

Здравствуй, ёлка!

Здравствуй, ёлка! Здравствуй, ёлка!
Словно соткана из шёлка,
Изумрудная стоит!
Огоньками вся горит,
Эх, переливается...
Это в клубе для детей
Праздник начинается!

Бусы светятся, игрушки,
Конфетти летит из пушки,
Дети водят хоровод,
Дед Мороз «коловорот»
Вбил по центру, чтоб не рухнуть,
Не испортить Новый год...

И, держась за посох, пляшет!
Декламирует стихи!
За поэзию он ляжет
Или сядет за грехи
(Что, по сути, равнозначно).
И несёт он детям ямб
Ярко, красочно и смачно,
Посылая всех... к друзьям!

Потому лишь, что детишкам
Нужно, вкупе к красоте
Глупой жизни, чтобы книжки
Слушать в полутемноте...
Чтоб звучал поэта стих,
Чтобы зал, внимая, стих.
Чтобы – сопли в три ручья,
Дед взмывает соколом!
«Чья ты девочка?» – «Ничья.
Я гуляла около...»

Вот и бабушка нашлась:
«Где ж ты шлялась, внучка Ася?!» —
«Я под ёлочкой кружила...» —
«У ребёнка в попе шило!
Вот и кружится, как мать,
Деток некуда девать...
Накружила семь подолов,
А на бабку наплевать!»

Дед Мороз – конфету внучке,
Бабке – мятый апельсин
«И привет мамаше-сучке
Передайте», – попросил.
И продолжил представленьё —
Тоже внучки появленьем.

«Милая Снегурочка,
Ты настолько кстати!
Не пришлось мне послать
Всех к едрене-матери!»

«Извини, Петрович,
Тут такое дело...
Это я, Серёга...
Таня заболела.
Я уже три ёлки
Отпахал Снегуркой.
В лифчике – осколки...
В колледже придурки
Грудь измяли, гады,
Все шары разбили.
Говорил, не надо,
Из стекла чтоб были...

Груды мои, груди,
Что от них осталось?!
Что со мною будет?!» —
«Не дави на жалость!

Я сажусь под ёлку,
Сплю до фейерверка!
И крутись, как хочешь,
Танька, Любка, Верка!»

Новогодний бал в разгаре!

Дети водят хоровод!
И Снегурочка в угаре
Каблуком, гарцуя, бьёт!
Но и этого ей мало!
Мало – об пол каблуком!
Шапку – в ноги разудало —
Хрясь! Да вместе с париком!

Внучка лысая кружится
Меж танцующих детей.
Дед под ёлкой матерится,
Предвкушая вой гостей.
Но подняться он не в силах
(Лишним был шестой стакан).
Что тут скажешь? Подкосило!
И скребёт, как таракан,
Он руками и ногами,
Лёжа пузом на мешке...
Всё пошло не по программе.
Все получают по башке...

Эти две последних мысли
Промелькнули у него,
Взмыли вверх, потом зависли...
Ну а дальше – ничего.

Ничего не изменилось.
Праздник шёл себе да шёл.
Детвора навеселилась,

Отдохнула хорошо!

Фото с лысою Снегуркой
Обошло весь интернет!
Тараканьей фигуркой
Дед Мороз смешил весь свет
(Уверяю вас, не меньше)
На «Ютьюбе». А вообще,
Пить, конечно, надо меньше
В праздник, в будни и вообще!

Об устройстве жизни

Интересно устроена жизнь человека.

Пока он ребёнок маленький —

бегает, радуется, мечтает.

А когда превращается во взрослого человека,

Становится каким-то спокойным,

не торопиться предпочитает.

Он думает: а зачем ему торопиться?

Помереть-то он, конечно, всегда успеет!

Хорошо, если к тому времени

доведётся жениться,

Иначе потом мысль о женитьбе

уже совершенно не греет.

И получается, все самые главные радости

Происходят с нами лишь

в раннем невинном детстве.

А начиная со школы — двойки, другие гадости...

Ну и потом уже подлости,

предательства и прочие стихийные бедствия.

И мне кажется... Что человек рождается...

Именно готовым любить этот мир и познавать его!

И он безмерно любит всё вокруг и наслаждается

До тех пор, пока взрослые не решают образовать его.

Ведь он родился абсолютно необразованным!
А зачем такой субъект нашему
умному миру нужен?

И тут же мир в глазах ребёнка
становится разорванным.

До какого-то возраста он сопротивляется...
И вот мир становится скушен.

И жизнь скучна и неинтересна,
Так как в ней всё за человека давно решили.
Он, конечно, мучается, не находит себе места...
А что толку, если дело его
давно белой ниткой сшили!

Да что я говорю такое? «Белую»!
Все шьётся прочнейшей суконной нитью!
Есть, конечно, упорные, есть даже смелые.
В виде исключения – пожалуйста!
Почему бы не быть им?

А остальным что делать, куда деваться?
Жить от воскресения – до воскресения?
Или бегать к речке рассветами любоваться?
Но это, по-моему, на один раз —
событие, в смысле, потрясение...

В общем, человек, конечно,

Дурачок

Кто-то томик Пушкина иль Фета
Держит в верхнем ящике стола
Письменного. В этом нет секрета.
У кого-то книга Кабалла,

У кого-то Библия хранится,
У кого-то Тора иль Коран.
У меня же рваная страница,
Буква Г на ней, подъёмный кран.

Вырванной из букваря страницы
Почему так дорог мне клочок?
Потому-что девочка мне снится,
Та, что написала «дурачок»

Вдоль стрелы рисованного крана.
И хоть стала мне она женой,
Предпочёл я Библии с Кораном
Этот листик маленький, земной.

Горны

Пионеры не ходят отрядом,
И из горнов уже не горнят.
Это было недавно, так рядом:
Я вожатой был крепко обня́т,

И, быть может, любил её тайно,
Слышал юбки шуршащий сатин.
Это было, и это не тайна.
И такой я там был не один.

Половина мальчишек в палате
Не могли без вожатой уснуть,
И она приходила в халате,
Чтобы нам рассказать что-нибудь.

Вий, Вакула, Сальери и Моцарт
Будоражили наши сердца.
Испытали мы массу эмоций,
Пусть не всё осознав до конца.

И в палате у нас был порядок,
И вопрос хулиганства был снят...
А с утра мы ходили отрядом
На линейку, где горны горнят.

Пасха

Мы тут Пасху в гаражах отмечали.
Как положено – кулич, водка, яйца.
Было очень все пристойно вначале,
Но позднее принесло к нам китайца.

Друг наш, Сяо, заглянул по-соседски.
Он гараж снимал под склад для товара.
Ну и с нами иногда водку трескал.
Мы – с полочки. Ну а Сяо – с наваря.

И с какого, не пойму, перепугу
Азиат наш влил в себя два стакана...
Взял балонный ключ, как крест, и по кругу
Стал ходить у гаражей с пеньем странным.

Что он пел – одному Богу известно.
Может, это «Отче наш» на китайском?
Но разверзлись будто «хляби небесны» —
Разыгралась гроза в небе майском.

Тут же молния с небес прострелила
Прямиком в балонный ключ над поющим...
Кто-то крикнул: «Растакая, мол, сила!
Ты смотри, как воссиял выдающе!»

Кто-то плакал и ругался по маме.
Я зачем-то съел все яйца со страху...
Сяо выжил. Служит батюшкой в храме.
И на память подарил мне рубаху.

А на рубахе выжжен крест огнём небесным,
За стеклом она в серванте хранится.
И народ ко мне идёт, если честно,
На китайскую смотреть плащаницу.

ЭСЭМЭСКИ

У меня сгорели эсэсмэски,
Полпакета, где-то сотня штук.
Я по жизни человек не резкий,
Но пришёл к ним в офис: тук-тук-тук...

«Извините, что вас беспокою,
Как же эсэмэсить мне теперь?
Что же это, граждане, такое?
Всё ж пропало просто, верь не верь!»

А они мне: «Всё перенеслося!
Проверяйте тщательней баланс!
Ходят целый день, тупые лоси...»
(Это в сторону, как будто реверанс.)

Я же не глухой, прекрасно слышу,
Спрашиваю: «Кто из нас тут лось?!»
«Гражданин, пожалуйста, потише!...»
Старший прибегает: «Что стряслось?»

«Вот пришёл товарищ, хулиганит,
Ищет в нашем офисе лосей».
И хоть был в тот день я очень занят,
Пять минут нашёл для банды всей.

Так, пардон, начистил им «тарифы»,
Что искали вату и бинты,
Уронил в витрину калорифер,
А потом приехали менты.

Есть на свете всё же справедливость,
Я вам отвечаю, точно есть!
За пятнадцать суток накопилось,
Ровно сто бесплатных эсэмэс!

Индифферентно

Индифферентно отношусь к погоде,
Из дома никуда не выходя.
В окно смотрю: повсюду кто-то ходит,
Зонтами прикрываясь от дождя.

Повсюду кто-то принимает меры
Защиты от стихии. А зачем?
Сидите дома. Быть хочу примером.
Сижу, пью чай, ватрушки с чаем ем.

Я понимаю, что муки и чая
Быть в доме должен небольшой запас.
И я давно, для всякого случая,
Продукты всевозможные запас.

И вот все мокнут, бегают с зонтами,
А я сижу себе, не дую в ус.
Я вам признаюсь (только между нами),
Что годик на запасах продержусь.

Смеюсь: сказали, дорожает греча!
Я ею полк способен накормить.
И все бегут, заняться будто нечем,
Купить, урвать, нахапать, отломить

Себе кусок, пока не стал дороже.
Ни дождь, ни снег, ни буря – нипочём!
Глаза горят, из носа пар, и рожи
Сравниться могут только с кирпичом.

Взлетели цены: сахар, рис, перловка.
А у меня – всё есть. А где же рис?
Полпачки только... Плащ накинул ловко,
Влез в сапоги, взял зонт – и пулей вниз.

Ну тёща (дай ей срочно бог здоровья):
То плов, то, извините, суп харчо!
Мол, кушай, зять. – «Спасибо». – «На здоровье».
– «Рис экономьте». – «Чо?» – «Да так, ничо».

Я, как моряк, сквозь шторм и вал девятый
Успел, купил по бросовой цене.
Тащу мешок, без лифта, на девятый.
Я всё скажу и тёще, и жене.

Дополз каким-то чудом до квартиры.
Когда же лифт починят?! Внёс мешок.
И слышу глас супруги из сортира:
«У нас закончился стиральный порошок...»

Законотворчество

В падеже себя опять склоняю в дательном,
В именительном, творительном, предложном.
Нужно пьянство запретить законодательно.
Без запрета совершенно невозможно.

Только выйдешь поутру на двор проветриться,
Надышаться трезвым воздухом осенним,
У подъезда кто-нибудь с «горючим» вертится.
Как же, праздник – день рождения Есенина.

Ну Есенин – это, братцы, обязательно.
Тут не может быть двух мнений абсолютно.
И читаю в небо пальцем указательным
После выпитой бутылки «Абсолюта».

И опять пришёл домой – счастливей некуда.
Но на утро встал решительно и твёрдо
И решил пойти... Куда? Да вроде некуда.
И куда пойдёшь с такой опухшей мордой?

Принял душ и зачесал к затылку волосы.
Вышел в галстук, в костюме. Между зданий
Шёл к трамваю, отвечал холодным голосом:
«Не сегодня. Не сейчас. Сегодня занят».

Ну а Дума? Отвечает утвердительно
На любую ерунду, на что попало!

Нет, так дело не пойдёт, с такою Думою.
Мужики меня в измене обвиняют.
Я ещё разок поеду – пусть подумают
И закон назад, как было, поменяют.

Дискотека

Я решил пойти на дискотеку...
Чтоб к интимной жизни сделать шаг.
Друг сказал: «Сперва зайти в аптеку
И купи «резиновый пиджак»».

Я вообще хотел идти в футболке...
Но товарищ мой повысил тон,
Взял бумага белой листик тонкий,
Написал размашисто: ГОНДОН.

А потом добавил, сверху глядя:
«Это ж не по улице пройтись!
Там, на дискотеке, будут бл*ди.
Без гондона там не обойтись».

Мне в аптеку заходить привычно —
Покупать для бабушки стрихнин.
Знаю там провизоршу отлично!
Захожу, машу ей: «Здравствуй, Нин!»

«За стрихнином, – спрашивает, – снова?»
Я лишь озираюсь по стенам —
Пиджаков не вижу, право слово,
Нет ни брюк, ни юбок, ни панам.

«Мне другое, – говорю, – посмотрим?»
Нинка, как заправский фармацевт,
Достаёт очки на шесть диоптрий,
Говорит: «Давай сюда рецепт...»

Я – в карман, бумажки где-то нету.
«Так не помнишь? – спрашивает. «Нет».
(Понимаю: пиджаков, жилетов,
Прочей ерунды в аптеке нет.)

А народ за мной уже столпился,
И заминки людям не нужны.
Кто-то, может, не опохмелился.
Что ж они все ждать меня должны?

(Почему товарищ это средство
Называл каким-то пиджаком?
Я, определённо, слышал с детства
Термин этот. Был он мне знаком.

А вот тут – ну хоть убей! Загвоздка!)
Говорю: «Похоже на планктон».
«Может быть пиявки?» «Мож двухвостка?» —
Крикнул сзади выбритый гондон.

Я ему потом начищу рыло,
Чтоб не залупался на людей!
А сейчас мне вспомнить надо было

Действенное средство от бл*дей!

Из-за ерунды – опять промашка!
В внухи идти теперь, пардон?
Руки в брюки сунул... «Ёп! Бумажка!
Вот же мой рецепт! Гондон! Гондон!»

Тут народ весь выдохнул счастливо,
Как один сплочённый коллектив.
Лишь тот крендель, лысина с отливом,
Цыкнул что-то: мол, презерватив.

Здесь ему я в рожу и заехал,
Чтоб не выжался, обормот.
Сделал из него Эдиту Пьеху!
Вот сижу в Саранске третий год.

Скоро ледоход откроет реку,
Я вернусь на станцию свою.
И пойду схожу на дискотеку.
Без гондона. Просто постою.

Исповедь. 30-е годы

Что ж, послушай, если хочешь.
Становились дни короче.
Всё длиннее были ночи,
Да и днём светло не очень

Было...

О себе совсем забыла.
Так тоскливо и уныло
На душе, и почка ныла,
Сын болел, и дочка ныла,

Тосковала...

По отцу. Зима сковала
Реки льдом. Я успевала
Сбегать за ночь, низко пала,
До амбара-сеновала.

Прокормить...

Ладно я, но детям жить,
Им расти. Пыталась шить
Платье дочери, ох, нить

Вдеть в иглу, не обронить

В полутьме...

Платье – радость голытьбе.

В их изломанной судьбе

Много горя, и тебе,

Вижу, что не по себе.

Извини...

Только ты не осуждай, меня пойми.

Мы остались на миру совсем одни.

Как забрали мужа, я считала дни.

И с другими – забесплатно чтоб – ни-ни!

Вот и всё.

А следы к амбару вьюга занесёт.

А мужик знакомый в город отвезёт.

Там работа есть, и может, повезёт.

Я пойду. Амбар закроешь. Бог спасёт.

От винта!

Вот и всё. Цветочки увядают.
Дело к осени, и можно погрустить.
Я, мои любимые, не знаю,
К вам когда приеду погостить.

И дорога вроде бы известна,
И цена не так уж высока.
И приехать мог бы, если честно,
Даже без письма и без звонка.

Но опутали меня заботы,
Бесконечных будней суета.
Ну и что, казалось бы? Всего-то
Нужно встать и крикнуть: «От винта!»

И поплыть, помчаться вам навстречу,
Рассекая волны-облака!
Только как? Не знаю. Не отвечу.
Видно, не получится пока.

Может быть, весной или летом,
В час, когда утихнет маята...
Может быть. Да что ж такое это?!
Всё – к чертям! Я еду! От винта!

Крошки

На полу валялись крошки,
Хлеб крошился у Алёшки.

Мать Алёшку тряпкой била
В воспитательном экстазе,
Чтобы он не рос дебилом,
Чтоб не шkodил, не проказил.

Чтобы вырос человеком,
Бестолковая детина,
Чтоб не сделался чучмеком,
Чтоб жидом не стал, скотина.

Чтобы на уроках в школе
Не хамил своей училке.
Чтоб соседу, дяде Коле,
В борщ не подсыпал опилки,

Если тот придёт обедать,
Если даже заночует.
От Алёшки – только беды.
Непутёвый – сердце чует.

Уронила на пол тряпку...
Эх, отец бы ему всыпал.
Но убили немцы папку.
Ну да ладно. Снег вон выпал.

Как-нибудь... Другим не легче.
Тёплый дом, и хлеб, и крошки...
Обняла Алёшку крепче.
Села около Алёшки.

Несуществующая смерть

Смерть – это часть жизни.

Заключительная. И очень важная.

Пока человек живёт, его образ остаётся незаконченным.

И только когда умирает, живущие могут определить, кем для них был умерший. Точнее, кем стал.

Картина, книга, симфония – произведения искусства, они завершены, их можно оценивать.

Так и человек – закончил свой жизненный путь – его можно оценивать. И кто-то своей жизнью достигает уровня произведения искусства, важного для человечества. Чей-то образ скромнее. Но каждый ушедший занимает своё точное место в истории, дойдя до этой важной части своей жизни, которая называется – смерть.

Резюме

Талант по младости растратив,
Я тело по земле влачу.
Я это тело взял в прокате,
И я вернуть его хочу.

Я даже эти восемь строчек
Уже не в силах написать.
Всё зачеркнул, порвал листочек,
Лёг на диване угасать.

Не по-английски

И вот приходит пятница,
Я открываю виски...
Неправда, я не пьяница,
Уйду не по-английски —

Со всеми попрощаюсь я,
И выпью я со многими.
Сосуды сообщаются
Меж богом и убогими,

Он даст мне знать заранее,
Когда пора отваливать.
Пусть будет утро раннее,
Вину не буду сваливать

С себя на обстоятельства,
Я выпью на прощание,
Потом – по обстоятельствам.
Составлю завещание,

Налью за жизнь, за праведность,
За смерть и за любимую.
Всё в этом мире правильно,
Все недостатки мнимые.

Всё в этом мире грамотно
Разложено по полочкам.
Медаль вручу и грамоту
Всевышнему. С иголки

Оденусь, как на свадьбу, я
И попрошу детей
На будущие свадьбы
Не звать мильён гостей.

Широкое веселье
Скрывает нелюбовь
И разрушает семьи...
Потом насуплю бровь

И попрошу настойчиво
Любви не предавать,
Жить завистеустойчиво,
Привет передавать

Их детям, моим внукам,
Которых мне не знать...
Нет, братцы, это скука —
Наутро умирать.

Пиджак сниму, покуда
За мною не пришли.
Сирень цветёт повсюду.

А может, не нашли

Архангелы-лентяи

Меня? А бог их спросит:

Мол, где этот слюнтяй и...

И где вас черти носят?!

И будут извиняться,

Потупив взор пред богом:

Мол, он не мог подняться,

Поскольку выпил много.

Как только протрезвеет,

Доставим сей же час!

Налью бокал полнее.

Трезветь? Ага, сейчас!

Куда мне торопиться?

Тот свет – не закрывают.

Я предпочту напиться,

Покуда наливают!

Плато

С коронавирусом в груди
Я твёрдо выхожу на плато,
Вздувая лёгкие в заплатах,
Я знаю: счастье впереди.

Кипит в моих сосудах кровь
С температурой тридцать девять...
Мне предстоит так много сделать,
Когда здоровым стану вновь.

Я посажу деревьев сад,
Детей полсотни нарожаю
(Пелёнки, сопли – обожаю),
Я поведу их в детский сад.

Построю дом под облака,
И мимо стаи самолётов
Под управлением пилотов
Помчатся в даль. Ну а пока

Я выползаю на плато.
Я на вершине пандемии.
В моих глазах мольбы немые:
Скажите, граждане, за что?

И, поглощая кислород,
Что подают мне через трубки,
Из пандемийной мясорубки
Хочу спастись. Но поворот

В судьбе всегда не тот, что хочешь.
И вроде пик преодолён.
И я, признаюсь, удивлён,
Что всех подвёл и помер ночью.

Война

Война не спрашивает нас: «А можно ли войти?»
Она, прищурив чёрный глаз, приходит по пути,
Ломая дверь и табурет. Бьёт окна сквозняком.
Роняет со стола обед и разоряет дом.

Война не спрашивает нас:
##«Как жизнь?» и «Как дела?»
В её часах – лишь смертный час.

Надгробья и тела

Считают стрелки тех часов. Пружина взведена.
И всем подряд, без адресов,
открытки шлёт война.

Предвоенное

Ну вот и нам пришла пора,
Друзья, на фронты собираться.
Кому из нас за правду драться,
Кому за ложь, кто за вчера,

А кто в бою падёт за завтра —
У каждого своя стезя —
Предположить сейчас нельзя,
У этой пьесы подлый автор.

Что взять с собою в этот бой?
В свой первый бой и в бой последний?
Лишь этот день чудесный летний,
И небо с дымкой голубой,

Свой дворик, голоса родных
И чистых улиц мирный запах.
Всё то, что скоро в грязных лапах
Войны исчезнет. Нет иных

Великих ценностей в походе,
Чем жизнь, которую любил...
Был бой. Закат. И ты убил.
Тебя убили на восходе.

Когда вернёмся мы с войны

Когда вернемся мы с войны,
Нас будут звать фронтовиками,
Медали теревить руками
Нам будут внуки и сыны.

Когда придём мы в край родной,
С больной израненной душой,
Пройдя сражение большое,
Мы выпьем молча по одной.

Когда закончатся бои,
Когда орудия остынут,
Я обниму жену и сына
И слёзы не сдержу свои...

С такими мыслями бреду
Вторые сутки по болоту.
Вернуться всё-таки охота.
Жаль, что с войны я не приду...

Фото на стене

Люди встречаются, люди влюбляются, женятся.
Видимо, даже не зная о том, что их ждёт.
Станет невеста женой и, конечно, роженицей.
Ну а жених по призыву
на фронт безвозвратно уйдёт.

Скоро родится сынок, и отца не узнает он,
Школу закончит и влюбится наверняка.
Женятся, сына родят. Фронт. И папа со знаменем
Да с автоматом в руках – на стене на века.

Зингер

Швейная машинка «Зингер» —
Лучшего не стоит и желать!
Я могу в трусы зашить резинку,
Прострочить простынки белой гладь!

Звук её работы слух лелеет.
Что ж, не зря я с фронта вёз трофей!
«Да она не шьёт, а словно клеит», —
говорил мой шурин Тимофей.

Сапоги солдатские разлезлись,
Выбросить рука не поднялась,
Покрутил: а может быть... а если...
Загудел мой «Зингер»! Понеслась!

Тапки вышли – просто загляденье!
Аж четыре пары из сапог.
Просидел на рынке целый день я
И продал их все за сколько смог.

Ну и на полученную прибыль
Взял платок супруге и ноль пять,
К вечеру домой, конечно, прибыл.
Встретила жена: «Ну что, опять

Налакался, инвалид безногий?!»
(Только я и на одной – ходок.)
Зря она таращит взгляд свой строгий,
Достаю из пазухи платок.

А она кричит уже в запале:
«Ах ты гад, бесстыдник, потаскун!
Чей платок? От Мани, Тани, Вали?!»
Отрывает от платка лоскут,

А потом берет машинку «Зингер»
И швыряет об пол что есть сил!
Падает буфет, летят корзинки,
Примус, на пол льется керосин...

В «Зингере» сломалась только ножка,
Та, в которой крепится иголка,
Я вот без ноги хожу немножко,
А машинка шьёт с ногою только.

Лёг я на сундук в углу кладовки
К сломанной машинке головой,
Плакать только на людях неловко,
А когда один – лежи да вой!

Воин-победитель одноногий,
Я, в обнимку с «Зингером» лежал.
Утром нас нашли, калек убогих.

Но ни я, ни немец не дышал.

Спектаклик

Если отвлекают, ты не отвлекайся.
Если окликают, то не откликайся.
Жми своей дорогой, не мельчи, не мешкай.
И упрёшься рогом в кладбище, конечно.

Можно по-другому – не спешить к финалу.
Заводить знакомых, быть хорошим малым.
И не лезть из кожи. Грезить дни и ночи.
Но итог такой же будет, между прочим.

Это всем известно, это всем понятно.
В жизни интересно думать о приятном:
Как, достигнув цели, стать счастливым сразу.
Кто – мгновенья ценит, кто – боится сглазу,

Кто, штаны задравши, за удачей мчится,
Кто, кусок урвавши, на миру кичится.
Жизни наш спектаклик тем и интересен:
Ты – герой, не так-ли? А финал известен...

Пока поют птички

Птички поют
Всюду.
В доме уют —
Чудо.

Запах цветов лёгкий
В ноздри идёт, к лёгким.
Если на двор выйдешь,
Лес за рекой видишь.

Слушаю их звуки,
Ставлю к ушам руки.

Речка журчит, плещет.
Лес шелестит, хлещет,
Будто веником банщик —
Это ветер-обманщик!

Но чьих-то зубов скрежет
Слух мне порой режет.
Может быть, волк в чаще?
Скрежет всё злей, чаще.

И запах уже не цветочный...

Какой-то кровавый. Точно.

Думаю слишком долго:
Как же убить волка?

Может, с ружьём выйти?
Только, если не выйдет,
Промах – и волк злее!
И, никого не жалея,
Перегрызёт полмира.
А мы ведь желаем мира.

Вернуться. В доме закрыться.
В ворохе книг зарыться.
Читать баллады и саги
О рыцарях, полных отваги.

Кто-то в лесу стонет.
Полмира в крови тонет.
Не перейдёт реку
Волк, он в реке утонет.
(Казалось так человеку.)

Но реку волк перепрыгнул.
Спину свою выгнул.
Клыки заточил остро.
И дом раздавил просто.

Книг разбросал ворох —

Ему человек дорог...
Придвинул меня поближе.
«Видишь?» – спросил. «Вижу».

«Вот и пришёл за тобой я.
Ты же хотел без боя?
Ты же мечтал о мире,
Сидя в тепле в сортире?»

А так не пройдёт с волками».
И впился в меня клыками...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.